

УДК 81 + 81'36

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Г.Ш. Хакимова

В статье анализируются различные подходы к изучению категории эвиденциальности в отечественной и зарубежной лингвистике. Особое внимание уделяется классификациям типов информации. Обсуждается проблема, связанная с определением категориального статуса эвиденциальности.

Ключевые слова: эвиденциальность, типы источников информации, эвиденциальные значения, эвиденциальные системы, модальность.

Категория эвиденциальности (от англ. *evidentiality*) имеет сравнительно недолгую историю изучения и все чаще становится предметом пристального анализа в лингвистике. Интерес к ней не случаен, ибо она относится к важным параметрам коммуникации и связана с языковым кодированием источника информации и характером его указания.

Исследователи подчеркивают ее универсальный характер, поскольку она существует во всех языках, что обусловлено естественной потребностью человека передавать информацию в процессе коммуникации, указывая при этом на источник информации, что в свою очередь является одной из важнейших языковых функций.

Появилось много работ, посвященных описанию специфики категории эвиденциальности в различных языках и предлагающих различные ее классификации. Их анализ обнаруживает значительные расхождения концептуально-терминологического характера, что затрудняет ее более точное описание. Но обобщая различные подходы к определению данной категории и попыток представить ее таксономию, можно констатировать, что в зависимости от доступа к сообщаемым сведениям выделяют следующие типы эвиденциальных значений: личный / опосредованный, прямой / косвенный, эксплицитный / имплицитный.

Наиболее известными в отечественной лингвистике являются классификации, предложенные Н.А. Козинцевой, В.С. Храковским, В.А. Плунгяном. Н.А. Козинцева выделила 2 типа: прямое свидетельство (собственные наблюдения говорящего) и не прямое или косвенное свидетельство (сведения из вторых рук, умозаключение) [4, с. 92]. В.С. Храковский вводит понятия «первосигнальная» и «второсигнальная информация». К первой относятся сведения, которые мы получаем через органы чувств, а второй тип информации человек создает сам на базе первого типа (сенсорной информации). Таким образом, речевая информация относится им ко второму типу и объясняется это тем, что хотя человек получает ее

посредством слуха, при этом он производит дополнительные операции кодирования и декодирования информации [9, с. 601]. По сути классификация В.С. Храковского сводится к существованию одной дихотомии: прямая / косвенная информация.

В.А. Плунгян снимает это ограничение и структурирует источники информации более подробно. Помимо указанной дихотомии им вводится деление на непосредственный и опосредованный тип информации. Согласно данной классификации, существуют:

1) прямая информация (визуальная, сенсорная, эндофическая) – «говорящий наблюдал ситуацию»;

2) косвенная информация (инферентив, презумтив) – «говорящий не наблюдал ситуацию»;

3) опосредованная информация (цитатив от конкретного лица, от обобщенного, неспецифицированного или неизвестного лица, из общего фонда знаний) – «говорящий не имел доступа к фактам»;

4) непосредственная информация – «говорящий имел личный доступ к фактам» [8, с. 322].

Приведенные классификации содержат одну или две шкалы эвиденциальных значений и, по-видимому, ориентированы на простые эвиденциальные системы. Однако эвиденциальные маркеры варьируются от языка к языку, представляя собой как набор грамматических, так и лексических значений. С целью изучения именно лексических показателей эвиденциальности в языках Европы был запущен международный проект *Evidentiality Network*, в котором принимают участие российские и зарубежные специалисты.

Одним из ведущих зарубежных специалистов по эвиденциальной типологии является британский лингвист А. Айхенвальд. По ее данным, основанным на базе 500 языков, эвиденциальность выражается грамматически в каждом четвертом языке [10]. В своей монографии «Evidentiality» она разработала разветвленную классификацию типов эвиденциальных систем, которую построила на основе семантических параметров. Из шести выделенных ею типов первые два обозначают физические ощущения: *визуальный тип*, включающий информацию, полученную посредством зрения, и *сенсорный невизуальный* – посредством слуха, иногда обоняния, вкуса или осязания. Третий и четвертый типы относятся к разновидностям инференции: *инференция*, базирующаяся на очевидном, реально воспринимаемом визуальном или ином свидетельстве, и *предположение* – на информации из общего фонда знаний, на предположении или логическом рассуждении. Пятый и шестой типы охватывают виды вербальных сообщений: *свидетельство*, основанное на слухах без ссылки на лицо-источник информации, и *цитатив / квотатив*, маркирующий информацию из известного источника [10, с. 63].

Разнообразие эвиденциалов зависит от структурных особенностей того или иного языка. Однако наиболее распространенной считается классификация, в которой все языковые эвиденциальные системы сводятся к двум видам. Л. Йохансон назвал систему первого типа непрямой засвидетельствованностью (*indirectivity*), где источник информации существует, но тип источника не уточняется, а систему второго типа – собственно эвиденциальностью (*evidentiality*), где типы источников дифференцируются [12, с. 63]. Последняя характерна для английского, немецкого и русского языков.

Категориальный статус эвиденциальности является одним из самых дискутируемых вопросов данного направления в лингвистике. Традиционно эвиденциальность рассматривается как категория, кодирующая лишь источник информации (взгляд наблюдателя или наблюдателей ситуации) и средства ее получения. Согласно этому подходу, эвиденциальность существует самостоятельно, параллельно категории эпистемической модальности. Хотя во многих работах этого направления отмечается очевидная связь и взаимодействие между данными категориями, несмотря на их независимость друг от друга [2, 4, 6, 7, 11 и мн. др.].

Однако существует и другая трактовка обсуждаемого явления, включающая эвиденциальность в параметры категории эпистемической (субъективной) модальности. Это означает, что эвиденциальные значения выражают также достоверность высказывания, т.е. оценку истинности пропозиции, а значит – отношение говорящего к происходящим событиям, что допускает их различную интерпретацию и оттенки оценочности. Этот подход был реализован в трудах зарубежных лингвистов: Дж. Натца [13], Ф.Р. Палмера [14], Т. Уиллета [15] и др. Таким образом, вопрос о соотношении эвиденциальности и модальности остается нерешенным.

Все чаще специалисты указывают на необходимость интегративного подхода к осмыслению модели эвиденциальности в том или ином языке. В работах новейшего периода делаются попытки инвентаризировать эвиденциальные формы отдельных языков с применением их комплексного изучения: полевой подход [1], когнитивный, семиологический, логико-аналитический подходы [3], синергетический подход [5] и другие.

В заключение можно отметить, что одним из перспективных направлений в изучении категории эвиденциальности является исследование ее национально-культурного потенциала, реализация которого возможна, прежде всего, в рамках контрастивной лингвистики.

Библиографический список

1. Бабер, Н.В. Реализация категории модальности в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Бабер. – М., 2012. – 24 с.
2. Буркова, С.И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в немецком языке / С.И. Буркова // Исследования по теории грамматики – Ирреалис и Ирреальность. – М.: Гнозис, 2004. – С. 353–374.

3. Кобрина, О.А. Категория эвиденциальности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Кобрина. – СПб., 2003. – 22 с.
4. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
5. Козловский, Д.В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Козловский. – Уфа, 2013. – 23 с.
6. Корди, Е.Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) / Е.Е. Корди // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы всероссийской научной конференции (26–28 сентября 2001). – СПб.: Наука, 2001. – С. 203–207.
7. Медведева, М.В. Границы эвиденциальности и эпистемической модальности [Электронный ресурс] / М.В. Медведева. – URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008.
8. Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику / В.А. Плунгян. – М.: Издательская группа URSS, 2000. – 384 с.
9. Храковский, В.С. Эвиденциальность в языках Европы и Азии / В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 2007. – 634 с.
10. Aikhenvald, A. Evidentiality / A. Aikhenvald. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 481 p.
11. Hardman, M.J. Data source marking in the Jaqi languages / M.J. Hardman // Evidentiality: the linguistic coding of epistemology in language. – Norwood, N.Y., 1986. – Pp. 113–136.
12. Johanson, L. Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages / L. Johanson. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2000. – Pp. 61–87.
13. Nuyts, J. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions / J. Nuyts // Journal of Pragmatics, 2001. – Vol. 33. – № 3. – Pp. 383–400.
14. Palmer, F.R. Mood and modality / F.R. Palmer. – Cambridge: Cambridge University, 1986. – 243 p.
15. Willet, Th. A Cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality / Th. Willet // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12. – № 1. – Pp. 51–100.

[К содержанию](#)